

посвященные происходящим в нашей стране переменам, о которых смогли рассказать российские обществоведы разных специальностей — экономисты, социологи, политологи, географы. Конференции открывал сам господин Аньелли, что способствовало привлечению к ним внимания итальянской общественности. Настоящий проект — часть «русской» программы Фонда. Авторы надеются на ее продолжение во благо сотрудничества итальянских и российских ученых.

ГЛАВА 1

Геополитические представления в России: возвращение к истокам или поиск нового пути?

Геополитическая история России: между Европой и Азией

Чтобы оценить постсоветские изменения геополитического положения России, сделаем краткий экскурс в ее более чем тысячелетнее прошлое. В нем можно выделить шесть этапов.

1. Во времена *Киевской Руси* страна, несомненно, была частью Европы, с государствами которой поддерживала интенсивные торговые, культурные и династические связи (например, одна из дочерей Ярослава Мудрого стала королевой Франции). Не случайно теперь Украина стремится монополизировать наследие Киевской Руси, поскольку видит в нем одно из главных доказательств своей «европейскости». Важнейшей экономической и политической осью восточнославянского государства был путь «из варяг в греки», соединявший Балтику с Черным и Средиземным морями.

2. *1243–1480 гг.* После взятия монголо-татарами Киева в 1240 г. и до формального освобождения Руси (России) от уплаты им дани в 1480 г. она была скорее азиатским, чем европейским, государством, хотя, например, торговля между северными русскими княжествами и ганзейскими городами никогда не прекращалась. В этот период русские княжества, возникшие на территории древнерусского государства, и в первую очередь Московское, ставшее ядром будущего Российского государства, были отделены от Европы Балто-Понтийским поясом недружественных государств и лишены выхода к Балтийскому и Черному морям — кратчайшим путям в Европу.

3. *1480–1796 гг.* Третий этап, продлившийся примерно до конца царствования Екатерины II, характеризовался борьбой за восстановление выходов страны к морям. Каждый шаг на запад давался России с огромным трудом, и завоеванные дорогой ценой морские «форточки» в Европу иногда приходилось отдавать обратно. В то же время на востоке окончательный распад Золотой Орды и ослабление ее наследников (особенно после покорения Москвой в середине XVI в. Казанского и Астраханского ханств — союзников Порты, постоянно беспокоивших ее набегами) открыли путь для практически беспрепятственного расширения державы на огромные, редко заселенные пространства Сибири и Дальне-

го Востока. Еще в начале этого этапа Московское государство стало многонациональным. К концу его в результате реформ и военных кампаний Петра I и Екатерины II Россия окончательно утвердилась как балтийское государство и присоединила часть украинских и белорусских земель, некогда входивших в Киевскую Русь.

4. *1796 г. — последняя треть XIX в.* В царствование Екатерины II Россия отвоевала доступ почти ко всему северному побережью Черного моря и стала великой европейской державой, способной наконец реализовать свою мессианскую общеправославную программу. Она была намечена еще во времена Ивана Грозного и заключалась прежде всего в освобождении православных стран от османского ига и последующем их объединении под эгидой России. Однако изменить сложившуюся к тому времени расстановку сил в Европе и мире было трудно: другие европейские государства вовсе не собирались освобождать России то видное место, на которое она претендовала. Это ясно обнаружилось в ходе Крымской войны (1853–1856), поражение в которой породило у части русской интеллектуальной элиты разочарование в европейских ценностях. С ростом внутреннего социального напряжения это разочарование стало одним из важных факторов, которые вызвали знаменитую дискуссию между славянофилами и западниками, возобновившуюся в несколько иных формах в постсоветский период. Во внешней политике России панправославие постепенно дополнялось панславизмом, проповедовавшим объединение славян, включая католиков, а также принципами консерватизма и легитимизма. Последнее означало поддержку только «легитимных», иными словами — монархических и авторитарных европейских режимов, что проявлялось в военных экспедициях и других политических акциях (Туровский, 1996).

5. *Последняя треть XIX в. — 1917 г.* Запоздалое, но очень быстрое индустриальное развитие обозначило начало нового периода в геополитической истории России, который можно определить как империалистический. Потребность в сырье побудила русское правительство начать наконец освоение экономического потенциала Сибири и Дальнего Востока, прежде служивших лишь территориальным резервом страны, завершить колонизацию Кавказа и Центральной

Азии как источника дешевого хлопка для текстильных предприятий в центре страны. Используя «железнодорожный империализм», Россия попыталась расширить насколько возможно зону своего влияния, создать военные союзы и вела ожесточенную борьбу против своих геополитических противников. Старые концепции панправославия и панславизма мало-помалу замещались евразийством (Семенов-Тянь-Шанский, 1915), которое приняло законченные формы уже после Октябрьской революции в работах русских эмигрантов 20-х годов. Во внутренней политике империалистический период был отмечен принятием принципа «православие, самодержавие, народность». Его реализация вылилась в попытку русификации периферии страны и трансформации России в европейское национальное государство.

6. 1917—1991 гг. В советский период страна сохраняла мессианскую, консервативную и идеалистическую сущность своей внешней политики, но на совершенно иной идеологической основе. Даже после того, как исчезли иллюзорные надежды на мировую революцию, Советский Союз продолжал безоговорочно поддерживать любой режим, который декларировал оппозицию «буржуазному» Западу, и прежде всего Соединенным Штатам Америки. СССР сохранял также самовосприятие как государства, окруженного врагами (своего рода осажденной крепости), восходящее еще ко временам монголо-татарского ига. Подобная позиция вызвала создание вокруг него после второй мировой войны пояса стран-сателлитов и способствовала превращению СССР в мировую сверхдержаву, противостоящую вместе с союзниками остальным индустриально развитым государствам. Она привела также к безудержной гонке вооружений и постоянному экономическому перенапряжению страны, жившей в мобилизационном режиме, а в итоге — к драматическому ее распаду в 1991 г. СССР вел подлинно глобальную политику. «Нет теперь, наверное, такого уголка на Земле, положения дел в котором нам не приходилось бы учитывать в нашей политике», — говорил Л. Брежнев на XXV съезде КПСС в 1976 г.

Геополитические оболочки России перед распадом СССР

Россия, огромное евразийское государство, избрала способом обеспечения внешней безопасности, особенно на южных рубежах, поглощение своих противников, включение их в собственные границы и постепенное освоение территории, осуществлявшееся с большим или меньшим успехом. Занимая центральное положение на Евразийском континенте, Россия постоянно опасалась оказаться в окружении враждебных государств и стремилась создать вокруг своих границ пояс зависимых (защитных) территорий. Так, католическая Польша, которая потенциально всегда могла занять место в лагере недружественных России стран, в конце XVIII в. была разделена и значительная часть польской территории включена в состав Российского государства.

Однако наибольших успехов в создании геополитических оболочек достиг СССР, унаследовавший многие принципы территориальной организации Российской империи. Его внешняя оболочка не была сплошной, отличалась разнородностью и нестабильностью. К тому же она складывалась из далеких от Советского Союза стран «третьего мира», объявивших о социалистической ориентации, чаще всего с расчетом на крупные финансовые и материальные дотации, на которые Москву вынуждала идти логика глобального противостояния с США. То одна, то другая страна в результате государственных переворотов и иных внутренних или внешних факторов переходила в противоположный лагерь, но ее место занимали новые. Неудивительно, что, как только СССР из-за экономических трудностей и в силу внутривнутриполитических изменений не смог больше субсидировать своих сателлитов в «третьем мире», внешняя геополитическая оболочка немедленно распалась. Это произошло еще в конце 80-х годов. Бывшие сателлиты до сих пор должны России многомиллиардные суммы, главным образом за поставки оружия, но шансов на их возвращение мало.

Следующая, непосредственно примыкавшая к границам СССР геополитическая оболочка была гораздо более устойчивой и стратегически важной. Она включала соседние

государства Восточной Европы (ныне называющейся Центральной), входившие в Организацию Варшавского Договора и Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), а также Монголию. В большинстве из них со времен второй мировой войны размещались советские войска. Несмотря на складывавшиеся десятилетиями связи с Советским Союзом, эта оболочка также распалась очень быстро, большей частью в драматическом 1989 г.

Но процесс дезинтеграции на этом не остановился и очень скоро затронул и третью оболочку, органически и, казалось бы, неразрывно связанную с Россией. Некоторые ее части были в составе Российского государства на протяжении почти века, другие — более трех столетий. Распад СССР имел для России тем более болезненные последствия, что произошел спонтанно, чрезвычайно быстро и в отсутствие механизмов «цивилизованного развода», создать которые СНГ оказалось не в состоянии. Дезинтеграция СССР сопровождалась рядом кровопролитных конфликтов, которые прямо или косвенно затронули Россию (Чечня, напряженность в других северокавказских республиках и пр.) и не разрешены до сих пор. На рубежах России или вблизи них возникли пять самопровозглашенных республик («псевдогосударств») — Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия, Чечня, Южная Осетия, Нагорный Карабах.

Наконец, существует еще и четвертая оболочка, плоть от плоти России — бывшие автономии, а ныне республики и автономные округа в составе Российской Федерации (хотя в абсолютном большинстве из них преобладает русское население). На них приходится 18 % населения, но 53 % территории страны. Отношения федерального центра со многими республиками складываются непросто, и Москва нередко вынуждена идти на уступки, что приводит к формированию «асимметричной» федерации и недовольству собственно русских регионов (Колосов, Трейвиш, 1992; Brunet, Eckert, Kolossov, 1995).

Распад СССР ознаменовал начало нового этапа геополитической эволюции России. На отдельных направлениях она оказалась отброшенной практически к допетровским границам, вновь потеряла большую часть выходов к морям

на своей европейской территории, лишилась значительной части ресурсной базы и военной инфраструктуры и т.п. Геополитическое положение страны принципиально изменилось: у нее как будто нет очевидных врагов, но вместе с тем нет и друзей, и ей вовсе не гарантировано благожелательное отношение старых и новых соседей (кроме, возможно, Белоруссии при нынешнем режиме), что показал кризис в автономном крае Косово (Югославия) весной 1999 г. По мнению А. Уткина, после распада СССР Россия потеряла все три благоприятных фактора, обеспечивавшие ей (единственной в мире) самостоятельность и независимость от Запада на протяжении всей истории:

- наличие геополитических оболочек, отделявших Россию от западных стран;
- связи с союзниками среди самих западных стран, состав которых менялся, игра на противоречиях между ними;
- стабильное и мощное государство.

Теперь вместо геополитических оболочек мы имеем НАТО у прежних границ Советского Союза, вместо «железного занавеса» — шенгенский визовый барьер, вместо нескольких противостоящих друг другу блоков — довольно прочный союз западных держав и их совместные действия в кризисных ситуациях, вместо сильного государства — многолетний кризис (Уткин, 1999).

Перед Россией остро встали проблемы легитимизации в глазах населения новых, в значительной степени искусственных границ и поиска новой идентичности, неотъемлемым элементом которой является внешняя политика. Позиционирование государства по отношению к другим акторам на мировой политической сцене подразумевает выработку набора социальных стереотипов — национальных исторических мифов, представлений о государственном пространстве и границах, которые отделяют страну от соседей не только первого порядка, но и более дальних. Это представления о действительных и потенциальных союзниках, источниках угроз и недружественных странах — границы между «нами» и «ними», «своими» и «чужими». Сторонники так называемой критической геополитики считают, что эти идеи разрабатываются как «высокой» геополитикой — в официальных документах и актах, так и «низкой», которая в явном или

невном виде отражается в символах, школьных и университетских учебниках, передачах радио и телевидения, газетных карикатурах и т.д. (O'Tuathail, 1996). В России идут острые дискуссии о том, что она может заимствовать в постсоветский период из своего геополитического наследства. На чем должна основываться новая отечественная геостратегия: на геополитических концепциях, развивавшихся еще в дореволюционной России и в советское время, или на принципиально новых позициях?

Если о дореволюционных и советских геополитических концепциях существует немало как отечественных, так и зарубежных публикаций (см., например, O'Loughlin, 1994), то, несмотря на исключительную моду на термин «геополитика» в постсоветской России, серьезных обобщений современных геополитических взглядов в стране еще недостаточно.

Современные геополитические разработки в России

Развитие геополитики как самостоятельной и общепризнанной дисциплины в России началось только на рубеже 80–90-х годов. В Советском Союзе геополитика считалась лженаукой и ассоциировалась с фашизмом (как известно, аналогичные взгляды были распространены и на Западе), однако де-факто она всегда существовала. Достаточно упомянуть так называемую доктрину Брежнева, в соответствии с которой СССР не мог допустить формирования в соседних странах прозападных режимов; именно этим было вызвано вторжение войск в Чехословакию и Афганистан. Советские военные специалисты и дипломаты довольно активно и небезуспешно занимались разработкой геостратегий, но не используя геополитическую теорию и терминологический аппарат, а активно апеллируя к фактору географического положения. Теоретические работы зарубежных авторов долгое время оставались неизвестными. На русский язык были переведены лишь работы А. Мэхэна, издание которых совпало с периодом подготовки выхода СССР в Мировой океан (Мэхэн, 1940, 1941).

Еще в конце 70-х годов специалисты (например, первый президент Ассоциации политических наук Г. Шахназаров) осторожно заговорили о необходимости разработки теории советской геополитики. В опубликованных после 1985 г. работах советских историков, политологов, экономистов и географов были предприняты попытки оценки геостратегии мировых держав, их вовлеченности в дела различных регионов, прочности сформировавшихся глобальных и внутрирегиональных связей, соотношения в них экономических, политических и военных компонентов (см., например, Благоволин, 1989; Пономарева, Смирнова, 1986; Пономарева, 1990; Уткин, 1987 и др.). Несмотря на чрезвычайное разнообразие тематики, подходов, территориального охвата геополитических исследований, все они включали анализ зависимости между любыми изменениями (в структуре хозяйства и его ресурсообеспеченности, внедрении новых технологий в экономике и военном производстве, в особенности в телекоммуникационных связях, количестве и качестве населения и т.д.) в отдельных странах и регионах и внешнеполитическими и стратегическими проблемами.

В широкий обиход термин «геополитика» в нашей стране вошел по крайней мере десятилетием позже, когда было снято табу на «буржуазные» направления общественной мысли. Поначалу обсуждались основы геополитического порядка, связанного с «новым политическим мышлением», улучшением отношений с Западом, перспективами совместного решения глобальных проблем, строительством «общеевропейского дома» и т.д. Вскоре, однако, перед нарождающейся (или возрождающейся) отечественной геополитической мыслью встала новая задача: осмысление места России в мире после распада Советского Союза и в условиях нарастания идеологического противостояния в обществе.

В силу ряда причин геополитика в России была на первых порах монополизирована национал-патриотическими кругами, которые проявили инициативу в деле внедрения новой научной дисциплины. Долгое время она опиралась на теоретическое наследие германской и англосаксонской геополитики начала XX в., тогда как современные работы оставались известными лишь узкому кругу специалистов. Легче и быстрее всего в нашей стране была воспринята *теория хартленда*, поскольку, как считалось, она наделяла Россию особой

геополитической ролью¹. Действительно, Россия даже после распада Советского Союза занимает основную часть хартленда, или географической оси истории, контроль над которой означает, если верить британскому классическому географу, контроль за всем мировым пространством (Мэкиндейр, 1904, 1919).

Некритическое восприятие теории хартленда, которая опровергается многими современными специалистами как не соответствующая постоянно меняющимся реалиям мировой политики, привело к появлению ряда штампов в российской геополитике. Прежде всего, возникло представление о России как о ключе к глобальной стабильности, о географическом центре мировой политики. Неудивительно, что тезис об особой, вечной геополитической роли России со ссылкой на классиков геополитики стал своеобразной психологической компенсацией за распад и стремительное понижение реального геополитического статуса страны. Опираясь на теорию хартленда, можно было прогнозировать обретение Россией статуса великой державы без видимых усилий, за счет одного лишь географического положения. Некоторые авторы в этой связи предложили обновить формулу Х. Маккиндейра: «Кто контролирует хартленд, тот владеет средством эффективного контроля над мировой политикой, и прежде всего средством поддержания в мире геополитического и силового баланса. Без последнего немыслим стабильный мир» (Поздняков, 1995).

Российские геополитические работы, вышедшие в 90-е годы, в значительной степени были основаны на идеализированном представлении о геополитической миссии России как «держателя равновесия между Западом и Востоком» (Кортунов, 1997). Их авторы полагали, что размеры, ресурсный потенциал и протяженные границы сами по себе определяют значимость России как глобального политического центра: «Всемирная история неоднократно подтверждала: когда Россия формировалась как сильная и влиятельная держава в Европе и Азии, а также в мировом

¹ В соответствии с этой теорией, возникшей в Великобритании в начале XX в., глобальная система состоит из трех концентрических кругов — хартленда (континентальное пространство Евразии, ее сердцевина), внутреннего полумесяца (приморские территории Евразии) и внешнего полумесяца (Америка, Африка, острова Тихого океана, включая Японию, Великобританию).

масштабе, региональная и глобальная ситуация стабилизировалась. И наоборот, когда под влиянием внутренних или внешних факторов Россия ослабевала, мир начинало лихорадить, мировое равновесие колебалось, пробуждались дремлющие государственные эгоизмы и тлеющие до поры до времени межнациональные и межконфессиональные противоречия и конфликты» (Кортунов, 1997).

Отсюда делался вывод, что Россия должна обеспечить стабильность на всем континентальном пространстве Евразии, т.е. на всей территории бывшего Советского Союза, что позволит ей играть роль одного из центров мировой геополитической системы, поддерживающего баланс сил во всем мире. Однако многие в нашей стране, не говоря уже о Западе, все больше убеждались в том, что без России можно обходиться в мировых делах, т.е. географический детерминизм «не работает», и ведущая роль России в мировой политике вовсе не вечна. Другими словами, у нее более нет экономических ресурсов для реализации своего геополитического потенциала и поддержания достойной роли в мире. Стереотипное представление о России как о великой евразийской державе, поражающей своими способностями к территориальной экспансии, уходило в прошлое, из ядра Евразии Россия превращалась в ее тупик (Туровский, 1995). Поэтому теория хартленда, даже обновленная российскими авторами, оказалась неработающей схемой, оторванной от реальности.

Становление геополитики в России происходило на фоне оживленных дискуссий о выборе ей пути развития. Вопросы геополитики изначально были переведены в практическую плоскость, и она в основном сводилась к разработке определенных геостратегий и даже рецептов возрождения России. По этой причине российская геополитика на первых порах оказалась идеологизированной, отражая споры политических групп, которые вели борьбу за власть.

Главным рупором геополитики в России стала националистическая пресса, особенно основанная в начале 90-х годов газета национально-консервативного толка «День» (в настоящее время выходит под названием «Завтра»). Развитие геополитики в данном направлении было стимулировано процессом распада российской сферы влияния и тогдашней позицией либеральных прозападных кругов, которые слабо

учитывали национальные интересы России, выступая за уход нашей страны из Восточной Европы, Средней Азии, Закавказья, и руководствовались одной лишь идеей вхождения в цивилизованный мир. В результате в оппозиционных кругах сформировалась *неоевразийская школа* геополитики, прямая наследница европейских геополитических школ первой половины XX в. Всплеск ее особой активности произошел в 1992–1994 гг., а основателем выступил Александр Дугин, который стал издавать первый в стране специализированный геополитический журнал «Элементы». Впоследствии геополитические воззрения А. Дугина были сведены воедино в книге «Основы геополитики. Геополитическое будущее России» (1997). Среди сторонников этого направления можно также выделить А. Гливаковского, Е. Морозова и А. Фоменко.

Неоевразийская школа опиралась на работы русских евразийцев – представителей течения в общественно-политической мысли страны, которое возникло в среде русской эмиграции в 30-х годах. В соответствии с их взглядами Евразия представляет собой особый культурный мир, отличающийся и от расположенной к западу от него Европы, и от находящейся к югу Азии. Евразия сложилась в границах Российской империи, которые впоследствии унаследовал Советский Союз, и представляет собой единое целое с геополитической и культурно-исторической точек зрения. Основателем евразийской школы был известный географ Петр Савицкий, который может считаться одним из первых русских геополитиков. Среди его работ, имеющих непосредственное отношение к геополитике, особенно интересны статьи «Географические и геополитические основы евразийства» и «Геополитические заметки по русской истории». «Россия есть ни Азия, ни Европа – таков основной геополитический тезис евразийцев... – писал Савицкий. – Россия-Евразия есть центр Старого Света. Устраните этот центр – и все остальные его части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) превращается как бы в «рассыпанную храмину». Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от «классической» Азии, есть то звено, которое сплавляет в единство их все. Это очевидно в современности, это станет еще явственней в будущем» (1997, с. 296, 297).

Евразийская геополитика, таким образом, перекликается с теорией Х. Маккиндера, указывавшего на особую геополитическую роль континентального ядра Евразии. Евразийцы видели в этом залог великого будущего России и обоснование исторической перспективы XX в., когда это государство стало распадаться и возникла необходимость геополитической доктрины, обосновывающей перспективы его восстановления и возвращения России в группу лидирующих государств.

Современные неоевразийцы существенным образом пересмотрели евразийскую доктрину первой половины XX в. В основу неоевразийской геополитической школы были положены догматическое восприятие теорий Х. Маккиндера, К. Хаусхофера и русских евразийцев и абсолютизация противостояния морских и континентальных держав, «вечного Карфагена» и «вечного Рима»². Неоевразийская геополитика опиралась на географический детерминизм и принципы силовой политики. Россия рассматривалась как ведущая континентальная держава, которая призвана вести борьбу против «торгашеской» приморской (атлантистской) цивилизации и ее лидера в лице США и одновременно воссоздавать великую евразийскую империю. Тем самым противоречия с Западом возводились в абсолют, признавались неразрешимыми.

Неоевразийцы пытались теоретически обосновать конфликт России и Запада и превратить геополитику в основу постсоветского русского национализма. Они ссылались на геополитические константы (особенно центральное положение России в Евразии), из которых выводили неустранимые различия экономических и политических моделей двух противоборствующих сторон (торгово-рыночная модель против автаркическо-протекционистской, либерально-демократическая против имперской). Сухопутная (евразийская) и приморская (атлантистская) цивилизации как два основных типа мировых цивилизаций, каждая со своим способом производства и государственного устройства, находятся, по А. Дугину,

² Как известно, геополитика рубежа XIX–XX вв. полагала, что морские и континентальные государства имеют принципиально разные интересы и обречены на противостояние. Причем Х. Маккиндер считал, что с начала XX в. это противостояние обостряется в связи с восстановлением континентальными государствами своей геополитической роли, которая была поколеблена в эпоху освоения Мирового океана (Mackinder, 1904, 1919).

в состоянии извечной «великой войны континентов», которая идет на протяжении веков между «силами Суши» и «силами Моря». Неоевразийцы искусственно сводят мировой политический процесс к противостоянию поборников атлантизма и континентализма, причем России предлагается вести настоящую войну с атлантистами всех мастей. Они демонизировали понятия «мондиализм» и «новый мировой порядок», воспринимаемые как воплощение американской мечты о мировом господстве и идеология порабощения России. Общим местом стало разоблачение «мондиалистского заговора», и даже появилась его теория, созданная тем же А. Дугиным и призванная еще раз, теперь уже с мистической точки зрения, обосновать российское антизападничество³.

Развивая идеи классиков евразийства, неоевразийцы говорят уже не о русском православном доминировании как об объединяющем начале Евразии, а о равноправных славяно-тюркском и православно-мусульманском союзах, усиливая тем самым азиатскую компоненту в евразийском пространстве. В ряде публикаций прослеживаются заимствованная у евразийцев и их знаменитого последователя, историка и географа Льва Гумилева явственная тюркофилия. Отсюда всемерная поддержка российско-иранских связей. Тюркофилия даже приводила неоевразийцев к поддержке мусульманского Азербайджана в конфликте с историческим союзником России — восточно-христианской Арменией по поводу Нагорно-Карабаха. Не случайно неоевразийство получило позитивный отклик в кругах тюркских националистов — татарских, казахских, крымско-татарских, азербайджанских и др., хотя они явно не симпатизировали России. Некоторые сторонники неоевразийского подхода из числа мусульман даже заговорили о возможной исламизации России и русских как о единственном спасении от западного влияния (известный российский исследователь Г. Джемаль). На Дальнем

³ «Мы постараемся в общих чертах описать планетарный «заговор» двух противоположных «окультиных» сил, чьи тайное противостояние и невидимая борьба предопределили логику мировой истории. Эти силы, на наш взгляд, характеризуются прежде всего не национальной спецификой и не принадлежностью к тайной организации масонского или парамасонского типа, но радикальным различием в их геополитических ориентациях», — писал А. Дугин в книге «Конспирология» (1993, с. 91).

Востоке России предлагается вести сложную игру с Китаем и Японией, в том числе заключить союз с Японией, хотя развитие российско-китайских связей тоже не отрицается (однако тюркофилия евразийцев с учетом исторического конфликта тюрков и китайцев заставляет их с осторожностью относиться к идее российско-китайского союза).

Неоевразийская школа российской геополитики не является единым целым с точки зрения конкретных геостратегических инициатив. Так, А. Дугин предлагает дифференцировать отношение России к Западу, различая позицию в отношении США и европейских государств. США однозначно признаются главным геополитическим противником. В то же время Дугин и его последователи налаживают отношения с представителями антиамериканских национально-радикальных течений во Франции, Бельгии, Италии и других странах (например, с бельгийцем Ж. Тириаром, которого принимали в России как «мессию» европейской геополитики, с почитавшимися как классики А. де Бенуа, Р. Стойкерсом, Ж. Парвулеско). На российских неоевразийцев оказали большое влияние тезисы о «Европе от Дублина до Владивостока» и «Евро-Советской империи». Само название журнала «Элементы» было позаимствовано у одноименного французского журнала.

Неоевразийцы признают возможность союзнических отношений и стратегического компромисса с Европой при условии перехода европейских стран на антиамериканские националистические позиции. Многие представители этого направления видят в качестве союзной континентальной державы Германию и предлагают создать к западу от России ось Москва — Берлин с вероятным включением в нее Парижа (используя традиционные антиамериканские настроения французов и известную геостратегию Ш. де Голля). Как отмечает А. Фоменко (1997), «наиболее традиционный (в смысле исторической преемственности) из предлагаемых антиглобалистских и континентальных вариантов — ось Москва — Берлин, начавшая создаваться в забытом ныне Архызе во время кавказской встречи в верхах Коля и Горбачева».

К востоку естественным союзником России признается Япония (отношение к Китаю, как уже отмечалось, было сложнее), к югу — фундаменталистский Иран. В результате

трансевразийская геополитическая система должна выглядеть как четырехугольник Берлин — Москва — Токио — Тегеран (вариант А. Дугина). Другие авторы все же предпочитают Японии исторически и географически более близкий к России Китай как противовес США и включают в число естественных союзников Индию.

Евразийство и неоевразийская геополитическая школа оказали большое влияние на позиции российских левых и национально-патриотических кругов. На определенном этапе у них сформировалось отношение к геополитике как к «философскому камню», с помощью которого можно получить легкие и простые ответы на все вопросы международной политики. Объяснения происходящего противостоянием «плохих» атлантистов в лице США и их «агентов» в Европе (Великобритания), Азии (Турция), России (демократы) и «хороших» континенталистов, отстраивающих евразийскую империю, пришлись по вкусу многим, тем более что они не требовали интеллектуального напряжения.

Лидеры ряда политических партий левой и националистической направленности стали авторами геополитических работ-манифестов, обосновывающих «партийный» взгляд на перспективы развития России. Например, экскурсы в геополитику были включены в книги лидера КПРФ Г. Зюганова «Держава», «За горизонтом», «Россия и современный мир»; в 1998 г. вышла еще одна его книга — «География победы. Основы российской геополитики». В них обосновывались необходимость возрождения единого евразийского государства в границах бывшего СССР, антиамериканизм и антизападные настроения, потребность в восстановлении связей с традиционными союзниками России на Балканах и в арабском мире и т.п. Близким оказалось и содержание работы лидера Российского общенародного союза С. Бабурина (1995).

Российские политики левонационалистического толка понимают геополитику в духе изданий начала XX в. и основываются на географическом детерминизме. Так, Г. Зюганов пишет: «Важнейшим постулатом геополитики служит утверждение, что для выработки оптимальной стратегии государственного развития первостепенное значение должны иметь не политические или идеологические пристрастия — кратковременные и быстроменяющиеся, а стабильные факторы пространствен-

но-географического положения страны. К таковым геополитика прежде всего относит размещение государства (континентальное, островное или прибрежное), размеры его территории, господствующий тип коммуникаций (морской или сухопутный), преобладающие ландшафты и тому подобные параметры» (1995а, с. 37–38). На основании анализа российской истории под соответствующим углом зрения делаются выводы в русле обновленной теории хартленда: «России важно адаптироваться к быстро меняющейся ситуации на мировой арене, выработать правильную глобальную стратегию. Ее уникальное географическое положение вкупе с еще сохранившимися военно-экономическими, демографическими и политическими возможностями диктует нам вариант развития, в основу которого должно быть положено стремление российской державы вернуть себе традиционную многовековую роль своеобразного «геополитического балансира» — гаранта мирового геополитического равновесия и справедливого учета взаимных интересов» (Зюганов, 1995б, с. 71–72).

Активная апелляция к геополитическим императивам характерна и для лидера ЛДПР В. Жириновского. Геополитическое содержание присутствовало в его известной книге «Последний бросок на Юг», где обосновывалась необходимость прорыва к «теплым морям». В Государственной думе под эгидой ЛДПР действовал комитет по геополитике, вероятно единственный в мире. Председатель этого комитета А. Митрофанов выпустил собственную книгу «Шаги новой геополитики» (1997).

С точки зрения современной геополитики построения отечественных авторов левой и националистической направленности выглядят архаичными. В них чрезмерно акцентированы силовой фактор международных отношений и влияние природного фактора, недоучитывается многополюсность современного мира (ведущей державой и главным врагом обычно считаются США), не анализируется мировая экономика как фундаментальный контекст политических процессов. Однако неоевразийская школа до сих пор является наиболее разработанной у нас в стране, и активная издательская деятельность ее лидеров привела к тому, что представления о геополитике в России во многом основаны на их работах и трудах классиков начала века в переложении тех же неоевразийцев.

Неоевразийцы почти не занимались исследованиями современных глобальных процессов в контексте внешней политики, мировой экономики и географии. В их работах практически нет анализа конкретных фактических данных, обсуждения разных точек зрения (из всей литературы по проблеме они выбирают лишь труды своих единомышленников). На основе умозрительных рассуждений они пытаются сформировать доктрину поведения России в мире, создать новый набор постулатов, которым должна следовать российская внешняя политика, обосновать очередной «великий геополитический проект».

Построения неоевразийцев откровенно опираются на догмы и представления традиционной геополитики 20–30-х годов XX в., в основе которой лежит абсолютизация роли физического пространства и ресурсного фактора, военной мощи и прямого контроля над территорией. Словно не произошло в мире за последние 60 лет никаких изменений, как будто страны по-прежнему изолированы друг от друга труднопреодолимыми барьерами и эффективно защищать национальные интересы можно, только сколачивая непримиримые военно-политические блоки, а не развивая научно-технический и интеллектуальный потенциал страны, открытую «информационную» экономику. Наконец, как будто нет и никогда не было обширной геополитической литературы, основанной на других взглядах и подходах, а мировая геополитическая мысль остановилась на произведениях К. Хаусхофера и его последователей.

Сторонники неоевразийской геополитики исповедуют старый и давно уже не обсуждаемый современными авторами постулат о вечности и неизменности национальных интересов, обусловленных географическим положением страны, сакральности государства и постоянстве его социальных основ и функций: «Министры приходят и уходят, даже диктаторы умирают, а горные хребты незыблемо стоят на своем месте» (Спрукман, 1942, р. 41). Из этого вытекает, что геополитическая структура жестко предопределена географическими (в основном природными) реалиями. Другой принципиальный вывод неоевразийцев — Россия геополитическим положением просто обречена бороться всеми возможными средствами, в том числе и военными, за восстановление прямого полити-

ческого контроля над своей бывшей периферией и сферой влияния. Чего стоит, например, высказывание А. Дугина по поводу Украины: «Суверенитет Украины представляет собой настолько негативное для русской геополитики явление, что в принципе легко может спровоцировать вооруженный конфликт. Украина как самостоятельное государство с какими-то территориальными амбициями представляет собой огромную опасность для всей Евразии. Стратегически Украина должна быть проекцией Москвы на юге и на западе» (1997).

Но не все противники Запада и либеральной идеи примкнули к неоевразийству. Представители *русской националистической геополитической школы*, которая носит преимущественно изоляционистский характер, полагают, что геополитический союз с тюрками и мусульманами опасен для русского народа и приведет к его растворению в евразийском «котле». Их геостратегия предполагает:

- создание русского национального государства с доминированием православной церкви;
- воссоединение с Украиной и Беларусью, т.е. восстановление славянского геополитического пространства времен Киевской Руси;
- уход России с Кавказа и из Центральной Азии;
- сосредоточение на проблемах национального возрождения русского народа и идеологическое противостояние с евразийцами и коммунистами, которые ассоциируются с антинациональными силами, разрушающими русскую идентичность.

Естественными союзниками России признаются православные и другие восточно-христианские народы, поэтому в геостратегии явно ощущаются панславистские и панправославные мотивы XIX — начала XX в. Не случайно одним из любимых авторов русских националистов стал Н. Данилевский, который в работе «Россия и Европа», впервые вышедшей в 1871 г., обосновывал глубокие политико-культурные различия между Россией и западноевропейскими государствами и ратовал за создание православно-славянского геополитического союза, противостоящего как Западу, так и Востоку (Данилевский, 1991).

«Классические» националисты, как и евразийцы, считают, что Россия не является ни Европой, ни Азией, а есть особый

географический мир. Однако они делают акцент на защите русской православной идентичности через создание русского национального государства и превращение Русской православной церкви в государственную. Речь фактически идет о возрождении русского национального консерватизма образца XIX в. с его геополитическими императивами. Отвергаются как евразийство с его опасными для русских постулатами, так и российский империализм, ориентированный на максимальное расширение государственной территории.

В качестве примера теоретического обоснования русской националистической геополитики можно привести работы, публиковавшиеся в журналах «Третий Рим» (издание Русского общенационального союза) и «Наш современник». Так, И. Кузьменко пишет: «В системе Русского мировоззрения концепция геополитики может найти свое место только в контексте религиозного призвания Русского народа» (1994, с. 7–8). Главные цели российской внешней политики сформулированы им следующим образом: «Собрать Русь, исходя из принципа «максимум Русских на максимуме территории», но безоговорочно исключить все пограничные нерусские области, особенно на Северном Кавказе... воссоединить исконно Русские (украинские, белорусские) и освоенные Русскими земли. Установить Русские границы. К началу следующего века Русский народ может закрепиться примерно на такой линии: Пруссия — Белосток — Люблин — Михайловцы — р. Тиса — Сороки — Бендеры — р. Дунай — Адлер — Зеленчукская — р. Кубань — Эльбрус — Прохладный — р. Терек — Шевченко — оз. Арал — Аральск — оз. Тенгиз — оз. Алаколь — китайская граница. Что касается пожеланий восстановить «империю» в границах 1917 года, то эта фантазия испаряется уже из умов самых твердокаменных «империалистов»» (там же, с. 11). Националистические концепции российской геополитики сформировались как реакция на резкое понижение реального статуса России в мире.

Курс российского руководства, по крайней мере в начале 90-х годов, приведший к радикальным изменениям на мировой политической карте и отбросивший Россию к границам XVII в., имел идеологическое обоснование в виде *западнической геополитической школы*. Ее постулаты активно внедрялись в российское общественное мнение на рубеже 80–90-х

годов; она фактически определяла внешнюю политику страны (так называемая «доктрина Козырева» — по фамилии тогдашнего министра иностранных дел), ориентированную на укрепление отношений с Западом. По сути российская геостратегия при А. Козыреве стала продолжением геостратегии союзного МИДа при Э. Шеварднадзе, реализация которой привела к почти полной потере страной экономических и политических позиций в ряде регионов.

Русское западничество имеет глубокие корни. Его основы были заложены русскими общественными деятелями еще в XVIII–XIX вв. Постепенно оно стало доминировать в среде русской интеллигенции. К концу XX в. западничество почти никак не обосновывалось теоретически и подавалось его проводниками как нечто само собой разумеющееся. Оно базировалось на двух принципах. Во-первых, на уступках Западу в обмен на его предполагаемую гуманность и помощь, которая, по российским предположениям, имела бы рациональный характер, поскольку отвечала интересам не только России, но и самого Запада. Россия практически без всяких условий и безвозмездно ушла из Центральной и Восточной Европы, согласилась на объединение Германии и вывела оттуда 400-тысячную группировку войск, значительно сократила свои вооружения. Больше уступать ей почти нечего. Во-вторых, на заимствовании и идеализации западной модели либеральной демократии и свободной рыночной экономики, рассматривавшейся как универсальная и единственно возможная. Ее воспроизведение должно было быстро и автоматически привести к экономическому возрождению страны и притоку иностранных инвестиций. Этого, однако, по многим причинам не произошло. Содействие Запада российским реформам ограничивалось главным образом предоставлением займов, а к середине 90-х годов там стали откровенно выражать раздражение претензиями Москвы на самостоятельную политическую линию.

Во внешнеполитической сфере эти тенденции привели к отказу от инициативной политики, восприятию интересов Запада как своих собственных и в результате к сдаче позиций в традиционных зонах интересов (Центральная и Восточная Европа, Балканы, Прибалтика, Закавказье, Центральная Азия, Дальний Восток). Эта доктрина использовалась уже в

последние годы руководства М. Горбачева, когда идеализм в российской внешней политике достиг пика и наша страна всеми силами пыталась завоевать доверие западных государств. Характерно следующее высказывание М. Горбачева: «Мы хотим в международном общении вернуть словам их подлинный изначальный смысл. Провозглашая свою приверженность к честной и открытой политике, мы имеем в виду честность, порядочность, искренность и следуем этим принципам практически... Мы практически исключили всякие расхождения между тем, что говорим нашим зарубежным собеседникам за закрытыми дверями, и тем, что заявляем и делаем публично» (1988, с. 163).

«Доктрина Горбачева» предполагала переход от биполярного мира к «бесполюсному», в котором ни одно из государств не стремится к мировому господству и который базируется на гармонии и международном согласии. Этот подход понимался как новое мышление во внешней политике. Ключевыми понятиями в политике стали «всеобъемлющая система международной безопасности», «общеевропейский дом», «деидеологизация международных отношений», «экономизация внешней политики», предполагающая ускоренную интеграцию страны в мировое хозяйство. Хотя право на собственный путь развития оставалось среди постулатов советской внешней политики: «За всеми народами должно быть оставлено право выбора собственного пути развития, право распоряжаться своей судьбой, своей территорией, человеческими и природными ресурсами» (Горбачев, 1988, с. 184). Оно обосновывало сохраняющиеся различия между СССР и Западом и претензии государства на свою сферу влияния в «третьем мире» в лице стран социалистической ориентации.

С приходом к власти Б. Ельцина, когда доминировала «доктрина Козырева», ориентация России на Запад усилилась, но отечественные политики в большей степени исходили из прагматических интересов, т.е. рассчитывали на экономическую помощь. В результате роль России как фактора мировой политики продолжала падать, причем из «доктрины Козырева» исчез тезис о праве на собственный путь развития, которое фактически не признавалось ни за Россией, ни за странами «третьего мира»: западная политико-эконо-

мическая модель была признана единственно возможной для развития всего человечества. Западничество на короткое время стало доминирующей геостратегией России.

Таким образом, российская геополитика, особенно в первой половине 90-х годов, сводилась к выдвиганию радикальных проектов «обустройства России». Она опиралась на теоретические разработки отечественных и зарубежных авторов первой половины XX в. и почти не занималась углубленным анализом современных реалий на мировой арене. Она говорила об «императивах» российской политики, выводя их из религиозно-философских доктрин и физико-географического детерминизма, но почти ничего не предлагала в плане их практической реализации, что неудивительно, поскольку все ее проекты выглядели нереальными и зачастую фантастическими.

К новой геополитике и научному подходу

Менее радикальная и более «научная», «объективная» геополитика складывалась в России с большим трудом. Мало кто из теоретиков в первой половине 90-х годов предлагал сбалансированные геополитические модели. К числу наиболее интересных и оригинальных относится геополитическая концепция «острова Россия», предложенная Вадимом Цымбурским. Эту концепцию считают неизоляционистской, поскольку она предполагает определенное дистанцирование России от международных дел. Автор констатирует неудачу российского «напора на Европу», который продолжался на протяжении 300 лет и закончился геополитической маргинализацией страны, но при этом предлагает уйти от прозападных, евразийских и «третьеримских» искушений. После распада СССР Россия оказалась окруженной «территориями-проливами» — зонами геополитической нестабильности, и главной ее задачей считается интенсивное саморазвитие на «острове» и освоение восточных (зауральских) регионов. Поэтому В. Цымбурский выступает за признание ее нынешних границ, отказ от внешней экспансии и «глобальной миссии» России, а приоритет в решении внутренних геополитических проблем отдает освоенно существующей территории (1993, 1994).

Неоизоляционизм стал своеобразным ответом на новые глобальные экспансионистские проекты типа евразийского. Однако он не смог стать доминирующим течением, поскольку только что открывшаяся внешнему миру и при этом привыкшая играть первую скрипку в мировой политике страна уже не могла отказаться от глобализма. Тем более не могла она бросить на произвол судьбы «проливы» — Балто-Понтийский пояс, Закавказье, Центральную Азию, где веками реализовывались российские интересы и где сохранялись русские диаспоры.

Сейчас уже можно говорить о формировании *консенсусной геополитической модели*. Она появилась в среде интеллигенции во второй половине 90-х годов. Эту модель можно назвать умеренно-патриотической, поскольку ее цель — укрепление российской государственности и позиций страны в мире. При этом предполагается избежать крайностей русского национализма, неоевразийства и западничества как неадекватных и даже опасных геополитических концепций.

Новая геополитическая доктрина сочетает ориентацию на геополитическую самостоятельность России, реализм и прагматизм внешней политики, эффективное использование тех возможностей влияния на глобальную ситуацию, которыми страна еще обладает. Давно назрел отказ от практики геополитических уступок в обмен на инвестиции и интеграцию в Европу: экономические выгоды оказались минимальны, зависимость от Запада — чрезмерна, а опасность потери Россией геополитической субъектности стала слишком очевидна.

На фоне снижения накала идеологических споров в стране происходит изменение подхода к геополитике, которая становится менее идеологизированной и более прагматичной. Эта модель основана уже не на отвлеченных схемах, а на анализе современной глобальной ситуации и реальных возможностей России.

В соответствии с представлениями значительной части политической элиты Россия намерена включиться в мировой баланс сил в качестве самостоятельного центра многополярного мира, готового в случае необходимости отстаивать свою особую позицию. Таким образом, Россия собирается не упустить шанс участвовать в формировании нового мирово-

го порядка и стать значимым фактором его развития если не на этой, то хотя бы на следующей его фазе.

Как отмечает директор Института США и Канады РАН С. Рогов, «в отличие от Советского Союза Российская Федерация не может претендовать на роль сверхдержавы. Однако по размерам своей территории, населения, экономического, научно-технического и военного потенциала она как великая евразийская держава может стать одним из ведущих участников многополярного мира, принимающим равноправное участие в решении вопросов, затрагивающих ее законные интересы» (1998, с. 14—15). Фактически эта концепция обосновывает стратегию балансирования между крупнейшими глобальными центрами силы — США, Европой, Китаем, которая позволяет России включаться в процессы, формирующие мировой порядок, и играть в них значимую роль. И Россия постепенно старается реализовать эту концепцию, все активнее провозглашая приверженность идее многополярного мира (с некоторым антиамериканским подтекстом, раз США считаются главным претендентом на мировое лидерство) и пытаясь укреплять отношения с Китаем, Индией и странами исламского мира, т.е. поворачиваясь лицом к Азии (Примаков, 1996).

К. Сорокин определяет геостратегию, приходящую на смену неоевразийству как доминирующему течению в российской геополитической мысли, как стратегию *балансирующей равноудаленности* от мировых лидеров (1996, с. 56—57). Эта политика предполагает:

- максимальное использование все еще имеющихся у России рычагов воздействия на мировую политику;
- недопущение чрезмерного усиления отдельных геополитических центров;
- использование существующих и потенциальных противоречий между ведущими мировыми державами и возглавляемыми ими коалициями, а также внутри них, между глобальными и региональными центрами силы;
- применение во внешней политике принципа «увязки», т.е. жесткой обусловленности своих уступок аналогичными действиями других стран.

Известный дипломат А. Адамишин призывает к прагматизму во внешней политике России, под которым подра-

зумекает преимущественную ориентацию на экономическую целесообразность внешних связей: «Эффективность российской внешней политики на всех азимутах должна определяться тем, что она зарабатывает для страны» (1999).

Описываемая геополитическая модель предполагает следующее.

1. *Восстановление лидерских позиций России в постсоветском пространстве* с использованием экономических рычагов влияния на ближнее зарубежье. В этом едины практически все сторонники новой стратегии.

Историческая перспектива видится «в постепенной трансформации всего постсоветского пространства в экономически и политически интегрированное объединение демократических государств (по принципу Соединенных Штатов Евразии), способное гарантировать в этом гигантском регионе-материке политическую и экономическую стабильность и являющееся одновременно своего рода межцивилизационным «плавильным котлом» (Кортунов, 1997). Однако часто недооцениваются современные процессы в этих государствах, которые неуклонно ведут к их размежеванию с Россией.

2. *Более эффективное использование тех геополитических ресурсов, которые страна унаследовала от Советского Союза:*

- наличие ядерного оружия как фактор сдерживания;
- право голоса в Совете Безопасности ООН;
- контракты на поставки оружия, экспорт и транзит российского сырья и отдельных видов промышленной продукции (все большую роль во внешней политике начинают играть интересы крупнейших корпораций — «Росвооружения», «Газпрома», «Лукойла» и др.);
- российские военные базы за рубежом;
- старые связи, восстановление которых требует немалых усилий, и возвращение к концепции традиционных союзников, что означает реанимацию отношений со странами, входившими в российскую клиентелу как в дореволюционный период (Сербия, Армения), так и в советский (Куба, Ангола, Египет, Сирия, Ирак, Ливия).

3. *Дифференцированный подход к западному миру.* Предлагается уделять особое внимание европейским связям как более перспективным, исторически обоснованным и не ставящим Россию в ситуацию однозначной внешней зависимо-

сти. В то же время претензии США на мировое господство встречают негативную реакцию всего российского политического истеблишмента, где формируется своеобразный «антиамериканский синдром».

Даже радикалы-неоевразийцы не отрицали необходимости развития связей с европейскими государствами. Что касается западников, то они увидели относительно безопасную и отвечающую национальным интересам страны перспективу в «постепенном, долгосрочном, тщательно продуманном и согласующемся с российской спецификой объединении России с Большой Европой... Если в ряду мировых центров силы Россия через двадцать лет будет почти не видна, то в европейском масштабе она может остаться одной из крупнейших стран, сравнимой по экономическому потенциалу и политическому влиянию с Германией, Францией, Италией и Великобританией, а по населению и тем более природным ресурсам превосходящей их. Интеграция сделает эти преимущества из предмета извечной европейской озабоченности фактором еще большего могущества, безопасности и самостоятельности Европы» (Арбатов, 1998).

4. *Развитие азиатского направления внешней политики, призванного устранить дисбаланс, возникший в связи с развитием приоритетных отношений с Западом.* Участие России в формировании многополюсного мира понимается как укрепление отношений с альтернативными полюсами, прежде всего с Китаем и Индией. «В сфере международных отношений России требуется связанная азиатская политика — по аналогии с традиционной европейской. В условиях относительной слабости России необходимо более тесно координировать политику на китайском направлении с курсом в отношении других стран формирующегося геоэкономического, геополитического пространства — от Токио до Дели, от Акмолы до Джакарты...» (Тренин, 1998). Предполагается более активное включение России в интеграционные процессы, которые происходят в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Совпадение политических интересов России и Ирана видится в поддержании стабильности в Закавказье и Центральной Азии и недопущении слишком активного проникновения в этот регион Турции, Саудовской Аравии, а также западных стран (Громыко, 1998).

5. *Использование транзитных возможностей России.* Прежде всего речь идет о развитии коммуникаций, связывающих страны Европы и Азиатско-Тихоокеанский регион. Некоторые исследователи видят в использовании этих возможностей залог восстановления геополитического влияния страны (Рогов, 1998). Став транзитным государством, Россия действительно сможет оказывать влияние на транспортные потоки между европейскими и азиатскими государствами и играть роль экономического посредника между ними, реализовав тем самым геополитический потенциал хартленда.

К концу 90-х годов в России назрела необходимость разработки гибких, неидеологизированных геостратегий. Стало ясно, что радикальное западничество ведет страну в геополитический тупик, а утопии типа евразийской или панславянской в современном мире неосуществимы. Новая российская геостратегия только формируется, но ее отличительные особенности уже определились. В ней сочетаются прагматизм и традиционализм российской внешней политики. Однако реализация любой геополитической доктрины в России наталкивается на большие сложности, связанные с зависимостью страны от Запада, внутриэлитными и межнациональными противоречиями. Внешняя политика все еще сильно зависит от расклада сил в стране и даже от влияния отдельных ведомств и их руководителей, подчас служит узкопартийным или узкоклановым интересам. Так, развитие связей с Западом встречало резко негативную реакцию пользующихся немалой популярностью коммунистов и националистов, а ориентация на союз с Беларусью и помощь Югославии не находили поддержки в республиках с мусульманским населением. Тем не менее уже обозначен путь к компромиссной геополитической модели и найдены основания для достижения согласия в российской внешней политике, сбалансированной по всем географическим направлениям, прагматичной и обоснованной с культурно-исторической точки зрения.

ГЛАВА 2

Остров Россия на пороге XXI века как часть мировой экономики